

«С ГОМЕРОМ ДОЛГО ТЫ БЕСЕДОВАЛ ОДИН...»

Среди лирических произведений Пушкина, история которых является особенно запутанной, находится стихотворение «С Гомером долго ты беседовал один», датированное 23 апреля—началом мая 1832 г. (см. III, 1237). Начало стихотворения (стихи 1—16) было опубликовано В. А. Жуковским под произвольным названием «К Н***» в посмертном издании сочинений Пушкина (т. IX, 1841), продолжение (стихи 17—24) — П. В. Анненковым в «Материалах для биографии А. С. Пушкина» (1855). Смысл стихотворения, его адресат были непонятными: о каком «пророке» идет речь, кого подразумевал здесь Пушкин? Адресата — Н. И. Гнедича, как переводчика «Илиады», впервые, по догадке, назвал Белинский в третьей из цикла статей о Пушкине, напечатанной в 1843 г. в «Отечественных записках». Другую версию утверждал Гоголь, заявивший, что стихотворение обращено к «монарху вообще» как «божью помазаннику» (в рукописи же был назван Николай I).¹ Ошибочность этой версии была показана еще В. Ф. Саводником.² Окончательное документальное подтверждение связи замысла стихотворения с именем Гнедича и определенным эпизодом — стихотворным посланием Гнедича к Пушкину («По прочтении Сказки про Царя Салтана и проч.») стало возможным после опубликования автографов этого стихотворения: чернового, перебеленного с поправками и белого.³ Упоминание

¹ П. Бартенева. Неизданные места из писем Н. В. Гоголя к друзьям. — Русский архив, 1866, стлб. 1732—1733. На ошибочность этой версии указал Гоголю С. П. Шевырев в письме от 30 января 1847 г. (Отчет имп. Публичной библиотеки за 1893 г., СПб., 1896, Приложения, стр. 43).

² В. Ф. Саводник. Заметки о Пушкине. II. По поводу стихотворения к Н***. — Русский архив, 1904, № 5, стр. 140—148. См. также: В. В. Каллаш. Загадочное стихотворение Пушкина. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. XII. СПб., 1909, стр. 48—59.

³ Черновой (ПД, № 951) и белой с поправками (ПД, № 952) автографы опубликованы в виде транскрипции с значительными ошибками Н. Ф. Бельчиковым в статье «Пушкин и Гнедич в 1832 году», см.: Пушкин. Сборник первый. Под ред. Н. К. Пиксанова. М., 1924, стр. 190, 192, 194 и 196 (об ошибках этого чтения см.: С. М. Бонди. О чтении рукописей Пушкина. — Известия Академии наук СССР, Отд. обществ. наук, 1937, № 2—3, стр. 586—587, 590). Варианты автографов напечатаны Т. Г. Цявловской в академическом издании (III, 885—890).

в черповике «Сказки о царе Салтане» позволило также датировать стихотворение 1832 г. — точнее, временем, когда Пушкин получил послание Гнедича (под этим посланием авторская помета «апр. 23», но без указания года (см. XV, 19): год устанавливается изданием пушкинской «Сказки»).

После того как был установлен непосредственный повод к написанию этого стихотворения и уточнена его датировка, сам замысел и его содержание с первого взгляда казались совершенно ясными. Такой вывод следует и из комментария к последним собраниям сочинений Пушкина. Так, в десятитомнике, изданном Академией наук, сказано: «Стихотворение является ответом на послание Н. Гнедича „А. С. Пушкину по прочтении сказки его о царе Салтане“ (1831). В стихотворении характеризуются разные формы деятельности Гнедича: как переводчика „Илиады“ Гомера, переводчика Оссиана, театрального деятеля».⁴ В таком же плане комментируется это стихотворение в последнем десятитомнике Гослитиздата.⁵

Однако на самом деле центром стихотворения вовсе не является характеристика «разных форм деятельности Гнедича». Острота замысла в изображении контраста между образом Гнедича-«пророка», который «вынес свои скрижали», и современностью, между подвигом «пророка» и действиями «бессмысленных детей», обезумевших в своем восторженном поклонении некоему «кумиру». Именно это является главным идейным стержнем стихотворения, именно эти мотивы являются загадочными. Странным является в 1832 г. изображение в виде «пророка» Гнедича, который при всем величии своего литературного подвига уже давно отошел от какого-либо участия в литературно-общественной жизни. Непонятна и картина, согласно которой «Илиада» (т. е. «скрижали») встречена полным непониманием: «речей» автора перевода «чуждались». На самом же деле никакого драматизма не было, почти все отклики на перевод были положительными.⁶

⁴ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах, т. III. Изд. 2-е. М., Изд. АН СССР, 1957, стр. 518.

⁵ А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах, т. II. М., Гослитиздат, 1959, стр. 735.

⁶ «Вестник Европы» оценил перевод как «важный подвиг» (1830, февраль, № 3); исключительно высоким был отклик на издание перевода «Илиады», написанный Пушкиным для «Литературной газеты» (1830, № 2, 6 января). Положительными были отзывы и «Северных цветов» на 1831 г., «Московского телеграфа» (1830, ч. 31, № 9) и даже Н. И. Надеждина в «Московском вестнике» (1830, № 4), несмотря на отличную от Гнедича трактовку значения «Илиады». Лишь «Галатеея» позволила себе наряду с похвалами двусмысленности и придирки (1830, № 4). А. Н. Егуннов считает, что эпиграмма Пушкина 1830 г.:

Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера,
Боком одним с образцом схож и его перевод —

Наконец, непонятно и ликование «бессмысленных детей». Таким образом, здесь многое остается неясным.

Проследим основные этапы развития замысла, насколько о них можно судить по рукописям.

Начало черновика свидетельствует о том, что стихотворение на самом деле возникло как ответ на приветственное послание Гнедича по поводу «Сказки о царе Салтане». Первые же слова чернового автографа — «Таков поэт» — должны были служить тематической доминантой стихотворения. Впоследствии этот мотив нашел свое развитие во второй его части, где шла речь о разносторонности поэта.⁷

Однако, как это почти всегда бывает у Пушкина в процессе работы над его лирическими произведениями, более узкое, казалось бы, задание расширялось и перерастало в широкое обобщение, оплодотворенное глубокой мыслью. Так случилось и здесь. В самом же начале замысел осложнился другой темой, связанной с предназначением, миссией, судьбой поэта-пророка. Отсюда возникает ряд высоких символов, среди которых «Великий жрец Гомера», «Ты вынес нам его скрижаль», «Пророк! на высотах беседуя с Гомером», «Ты долго на горе беседовал с Гомером». Этот этап работы в черновике оформился в четверостишии:

С Гомером долго ты беседовал один,
Тебя мы робко ожидали,

объясняется пониманием ограниченности понятия «русская „Илиада“» («в этом смысле — оттенок отрицания: это „Илиада“, но не греческая, не вполне или не только гомеровская; она — русская, наша, гнедичевская», см.: А. Н. Егун о в. Гомер в русских переводах. М.—Л., «Наука», 1964, стр. 283). Это объяснение не выдерживает критики: эпиграмма Пушкина носит сатирический характер (ведь переводы Жуковского также представляли собою «русского Шиллера», «русского Байрона», что не мешало оценивать его работу очень высоко). Однако Пушкин зачеркнул сатирическую эпиграмму на Гнедича, которая явилась, по-видимому, возникшей по ассоциации остротой, и создал надпись, ставшую хрестоматийной:

Слышу божественный звук умолкнувшей эллинской речи,
Старца великого тень чую смущенной душой.

(III, 256)

Своей лексикой и тональностью эта надпись близка стихотворению «С Гомером долго ты беседовал один».

⁷ Напомним эти строки в последнем варианте:

[Таков прямой поэт. Он сетует душой
На пышных играх Мельпомены,
И улыбается забаве площадной
И вольности лубочной сцены].
То Рим его зовет, то гордый Илион,
То скалы старца Оссиана,
И с дивной легкостью меж тем летает он
Во след Бовы иль Еруслана.

(III, 286)

И светел ты сошел с таинственных вершин
И вынес нам его скрижали.⁸

Итак, поэт характеризуется здесь по аналогии с библейским ветхозаветным образом пророка Моисея. Эта аналогия неожиданна, казалось бы, получает «боковое» по сравнению с главной темой стихотворения развитие. Сопоставление «Илиады» со «скрижалю», а переводчика с пророком Моисеем развивается далее в сопоставлении изменившего высокой идее народа с той современной средой, которую автор русской «Илиады» увидел, сойдя с «таинственных вершин», завершив высокий подвиг своего перевода. Следуют пробы в разработке мотива «Ты нас нашел», которые выливаются (в перебеленном тексте) в четверостишие:

И что ж? ты нас обрел
В безумстве суетного пира
Поющих буйну песнь и скачущих толпой⁹
Вкруг безобразного кумира.

В беловом автографе (написанном карандашом) эта строфа приближена к библейскому сюжету:

И что ж? ты нас обрел в пустыне под шатром,
В безумстве суетного пира,
Поющих буйну песнь и скачущих кругом
От нас созданного кумира.

В черновом и перебеленном автографах нет ни «шатра», ни «пустыни», но зато обстановка, в которой очутился поэт со «скрижалями» (т. е. «Илиадой»), варьируется в различных, самых резких выражениях: окончив свой труд, он нашел людей, «поющих песню лжи» «в безумстве мерзостного пира», людей, которые пляшут вокруг «боготворимого кумира», «вновь изваянного кумира», «постыдного кумира», «золоченого кумира», «безобразного кумира». Дальнейший процесс работы над текстом заключался в уточнении характеристики поэта, который не проклял «поющих песнь лжи» и пляшущих вокруг «вновь изваянного кумира», не разбил «в гневе и печали» свои «скрижали».

В черновике уже после развития основной темы следует возврат к мотиву, обозначенному в этом же автографе самой первой его строкой: «Таков поэт...». Здесь варианты: «Таков прямой поэт — не отвергает он», «Таков прямой поэт — все живо для него».¹⁰ И отсюда уже непосредственная связь с посланием Гне-

⁸ В беловом тексте последняя строка читается: «И вынес нам свои скрижали» (ср. в заметке Пушкина 1830 г.: «Русская Илиада перед нами» — XI, 88).

⁹ Вариант «толпой» в академическом издании пропущен (III, 889).

¹⁰ Среди отглыков поэта на живую жизнь в черновике читаем:

Ты вторишь эху гор и слышать можешь ты
Жужжанье пчел над розой алой.

дича Пушкину по поводу «Сказки о царе Салтане», причем первоначально Пушкин не исключает себя из среды тех, кто поет «песнь лжи»:

А ныне <к> лжи бряцанья моего
Склоняешь слух благосклонный

И вариант этих строк:

А ныне к лепету [бряцанья] моего
Склоняешь слух благосклонный

А затем, в заключении, где говорится о разнообразии интересов Гнедича (упомянуты «хоры муз», «песни Оссиана», «Илион»), в черновике уже прямо названа пушкинская сказка:

И с детской радостью меж тем внимает <он>
И сказке <про> <?> царя Салтана.

Итак, прослеживая ход создания стихотворения, можно заключить, что оно является внутренне противоречивым. Пушкин начал его, желая ответить Гнедичу на послание по поводу своей «Сказки о царе Салтане» и поблагодарить за внимание поэта к «сказке», которая является «лепетом» (по сравнению с высоким жанром «Илиады» — «скрижалю»): это благосклонное внимание — результат разносторонности Гнедича. Но в ходе работы над стихотворением в замысел вторглись острейшие мотивы, связанные с живой современностью, в том числе мотив «вновь созданного кумира» и поведения боготворящих его «бессмысленных детей». Данный мотив осложняется тем, что в число этих «детей», как мы видели, Пушкин включал здесь и себя в отличие от Гнедича — «пророка» («Ты нас обрел...», «<К>лжи бряцанья моего...»). Понять все это сплетение мотивов трудно, однако некоторые основания для разгадки все же имеются.

Обратимся прежде всего к теме «вновь изваянного кумира» и его почитателей.

Как хорошо известно, высокоразвитое ассоциативное мышление Пушкина не допускало пустых аналогий. Сравнение перевода «Илиады» со «скрижалями», а самого автора перевода с пророком звучало (как мы уже упоминали) непонятным парадоксальным преувеличением в обстановке 1832 г. Такой же парадоксальной является, при всей поэтической условности, картина всеобщего «мерзостного пира» во славу «вновь изваянного кумира». Однако эти мотивы, связанные не с временем издания, а с временем окончания перевода «Илиады», становятся понятными, если учесть два важных момента.

Во-первых, датой окончания перевода «Илиады» Гнедич считал 15 октября 1826 г. Об этом было сообщено печатно:

«Н. И. Гнедич, кончив перевод «Илиады» гекзаметрами, готовит оный к изданию в свет...».¹¹ Задержка издания (которое впервые осуществилось лишь в 1829 г.) произошла по не зависящим от переводчика причинам.¹² Следовательно, содержание стихотворения Пушкина, где речь идет именно об окончании работы над переводом «Илиады», также относится к 1826 г. Во-вторых, в издании 1829 г. Гнедич датировал посвящение императору «ноября 2 1825 года».¹³ Тем самым опять-таки внимание читателей фиксировалось на 1825 г. Отсюда понятно, что характеристика Гнедича как «пророка», который указывал путь окружающим людям, вполне оправдана по отношению к середине 1820-х годов, но не к 1830-м годам, когда имя Гнедича давно уже перестало звучать как имя одного из вождей передового, связанного с декабризмом общественно-литературного направления. Более того, новому поколению он казался литератором, ушедшим в далекое прошлое, в историю древнего мира и никак не откликавшимся на современность. В первой же четверти XIX в. Гнедич действительно был виднейшим деятелем передовой литературы, глашатая борьбы за идеалы вольнолюбивой гражданской поэзии и как таковой пользовался глубоким уважением декабристов, воспринимавших его как старшего наставника поэтов.¹⁴ Знаменитая речь Гнедича о назначении поэта (1824) своей направленностью и терминологией перекликается с соответствующими положениями устава «Союза благоденствия» — о роли слова, литературы и просвещения. Символика этой речи близка той, которую Пушкин использовал в стихотворении «С Гомером долго ты беседовал один». Речь Гнедича выдержана в тоне поучений библейских пророков. О писателях он говорит: «... да будут они чисты сердцем, как служители божества, или те, которые приближаются к священным алтарям его». Дело писателя определяется как «подвиг». Позже Пушкин именно так охарактеризовал перевод «Илиады». Речь эта была произнесена на собрании Вольного общества любителей российской словесности,¹⁵ где впоследствии, в пору наиболее острой борьбы с реакционерами, он был избран

¹¹ Сын отечества, 1826, т. XX, стр. 330.

¹² История издания перевода «Илиады» и предшествовавших ему публикаций отрывков освещена в кн.: А. Н. Егунов. Гомер в русских переводах (главы 7-я и 8-я).

¹³ Отмечая, что в последующих изданиях эта дата изменена на «ноября 2 дня 1826 года», А. Н. Егунов пишет: «Умысел это или опечатка? В 1826 году, после казни декабристов, посвящение Гнедича звучало бы хуже» (А. Н. Егунов. Гомер в русских переводах, стр. 259). Полагаю, что в первом издании опечатка, датой окончания перевода было печатно объявлено, как мы упоминали, 15 октября 1826 г.

¹⁴ См.: И. Н. Медведева. Н. И. Гнедич и декабристы. — В кн.: Декабристы и их время. Под ред. М. П. Алексеева и Б. С. Мейлаха. М.—Л., Изд. АН СССР, 1954, стр. 101—154.

¹⁵ Напечатана с цензурными изменениями в «Трудах Вольного общества любителей российской словесности» (1821, ч. XV).

вице-президентом. Гнедичу Рылеев адресовал восторженное послание и ему же посвятил оду «Державин», воспевающую «святой, высокий сан певца», который гремит «с святым пророком».¹⁶ В том же 1821 г. с посланием к Гнедичу обратился и Пушкин («В стране, где Юлией венчанный...»).

Для понимания смысла определения «пророк», неоднократно повторенного в автографах стихотворения «С Гомером долго ты беседовал один», важно и еще одно обстоятельство. В «Полярной звезде» на 1825 г. Гнедич напечатал отрывок из XIX песни «Илиады», где описываются плач по мертвому Патроклу, скорбь Ахилла, потерявшего любимого друга, и выход Ахилла на поле брани. Этот отрывок, помещенный в последнем из увидевших свет выпусков декабристского альманаха, воспринимался после 14 декабря как поразительное предвидение катастрофы, постигшей героических борцов за свободу.

Все это характеризует исторический фон, который воскресил Пушкин в обращенном к Гнедичу стихотворении 1832 г., изображающем ситуацию работы над переводом «Илиады» и ее завершения. Поэтому представляется неполной трактовка этого стихотворения только как отклика на приветствие Гнедича в связи с опубликованием «Сказки о царе Салтане», как это сделал Н. Ф. Бельчиков, озаглавивший свою статью «Пушкин и Гнедич в 1832 г.»: это ограничение оставляет неясным и непонятным всю глубину и политическую остроту пушкинского замысла.

На чем же основаны мотивы, связанные с «вновь изваянным кумиром» и ликованием вокруг него? Картина опять-таки непонятная, если ее отнести ко времени, когда написано стихотворение, но приобретающая черты исторической конкретности в условиях окончания «Илиады» — в 1826 г. Это было время после разгрома восстания декабристов, время реакции, массового ренегатства, разрыва широких слоев фрондирующего дворянства с освободительными идеями и подлого восхваления нового «кумира» — императора Николая I. Можно напомнить не только о появившихся тогда бесстыдных, безудержно хвалебных одах Шатровых, Шаликовых, Висковатых, но и о стихотворении Ф. Н. Глинки, который покривил душой, заботясь об облегчении своей участи. Н. К. Пиксанов в работе «Дворянская реакция на декабризм»¹⁷ приводит многочисленные факты, которые характеризуют культ Николая I в дворянском обществе после коронавания. Однако Н. К. Пиксанов допустил грубую ошибку, утверждая, что взгляды Пушкина в это время, «его стихотворные хвалы Николаю I перестают быть непонятной случайностью или простой неискрен-

¹⁶ Как отмечено исследователями, первая строка стихотворения Пушкина «С Гомером долго ты беседовал один» является напоминанием о послании Рылеева, который, обращаясь к Гнедичу, восклицал: «С Гомером отечай всегда беседуй новой».

¹⁷ Звенья, т. II. М.—Л., «Academia», 1933, стр. 131—200.

ностью и осознаются нами как характерные, типичные проявления дворянской реакции на декабризм». ¹⁸ На самом деле Пушкин, обманутый тогда Николаем I и временно подпавший под власть иллюзий о возможности воздействия на царя в преддверии ожидавшихся прогрессивных реформ, не только не сливался с дворянским обществом, но испытывал отвращение к ликованию вокруг созданного этим обществом кумира. В письме к П. А. Осиповой 16 сентября 1826 г. из Москвы Пушкин с понятной в то время крайней осторожностью, но явно иронически, пишет о подготовке грандиозного праздника на Девичьем поле в сентябре 1826 г. в связи с коронацией: «пироги заготовлены по сажням, как дрова; так как пироги эти испечены уже несколько недель назад, то довольно трудно будет их съесть и переварить их, но у почтенной публики будут фонтаны вина, чтобы их смочить; вот злорадия» (XIII, 559; подлинник по-французски). 13 июня 1827 г. он пишет ей же о своих впечатлениях от Москвы и Петербурга: «...пошлость и глупость обеих наших столиц равны, хотя и различны <...> если бы мне дали выбирать между обеими, я выбрал бы Тригорское, — почти как Арлекин, который на вопрос, что он предпочитает: быть колесованным или повешенным? — ответил: я предпочитаю молочный суп» (XIII, 563; подлинник по-французски). Иносказание достаточно прозрачное!

В свете всего сказанного выше можно гипотетически представить и происхождение версии Гоголя. Не исключено, что Гоголь слышал, будто замысел стихотворения относился ко времени воцарения нового императора, но эти ассоциации фантастически истолковал по-своему.

Работа над стихотворением осталась незавершенной. Об этом свидетельствует не только самый факт зачеркивания в перебеленном автографе строк 17—20 (они ничем не заменены), но и внутренняя противоречивость замысла. Тема первой части стихотворения — контраст между величием дела поэта-пророка и суетной, чуждой ему средой, обрисованной здесь крайне резко. Картина, которую увидел поэт, была такова, что он должен был проклясть толпу и разбить свои «скрижали». Однако, как оказывается во второй части стихотворения, он, находясь «в порыве гнева и печали», не делает этого, и только потому, что равно приемлет и высокую поэзию, и «забаву площадную», и «вольность лубочной сцены».

Таким образом, произошло столкновение разнородных мотивов, и логика развития темы оказалась, вопреки принципам пушкинского творчества, нарушенной. ¹⁹ Вряд ли можно сомне-

¹⁸ Там же, стр. 195 (ср. также на стр. 173 и 185 этой статьи отождествление позиций Пушкина и Булгарина).

¹⁹ Симптоматично, что именно строки 17—20 (от «Таков поэт...» до «вольности лубочной сцены») зачеркнуты в перебеленном автографе, по-видимому как несогласуемые с мотивировками первой части стихотворения.

ваться в том, что при окончательной отделке стихотворения это противоречие было бы устранено.

Предпринятые нами попытки найти реальные поводы возникновения замысла стихотворения направлены к тому, чтобы в какой-то степени прояснить некоторые загадочные стороны его истории, которая в целом, однако, еще не может быть объяснена из-за недостаточности фактических данных. Но стихотворение, кроме содержания, прикрепленного к определенному времени, имеет и более широкий, философский смысл своей непреходящей идеей о труде-подвиге поэта, который требует отрешенности от всякой суетности и от поклонения «кумиру», будь то властитель или златой телец. Вместе с тем это стихотворение и об идеале широчайшей разносторонности поэта, о его неугасающем интересе к потоку жизни, о его живых откликах на весь окружающий мир:

Таков прямой поэт — все живо для него.

Вот почему стихотворение «С Гомером долго ты беседовал один» продолжает волновать и сегодня своей яркой образностью, напряженной экспрессией и воплощением излюбленной Пушкиным идеи поэта-пророка, вождя и вдохновителя народа.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

**СТИХОТВОРЕНИЯ
ПУШКИНА
1820-1830-х
ГОДОВ**

**ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ
И ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ПРОБЛЕМАТИКА**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД**

1974